

9. McCutcheon Ch. Dog Whistles, Walk-Backs, and Washington Handshakes:
10. Decoding the Jargon, Slang, and Bluster of American Political Speech / Ch.
McCutcheon [Электронный ресурс] <http://dogwhistlebook.com/book> (дата обращения 28.01.2015).

10. Merriam-Webster online [Электронный ресурс] <http://www.merriam-webster.com//> (дата обращения 28.01.2015).

УДК 821.161.1+347.78.034

ББК 83.3-021+83.3(2=411.2)52

**МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ
ЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)**

**METHODS OF ANALYZING METAPHORIC UNITS, DESCRIBING
HUMAN RELATIONS, IN FICTION (ON THE PATTERN OF TWO
DIFFERENT VERSIONS OF «ANNA KARENINA» BY LEO TOLSTOY)**

И. Ю. Рябова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Аннотация: Целью статьи является изучение методик анализа метафорических единиц в художественном дискурсе. Автор дает обобщенную характеристику пяти моделям российских и зарубежных авторов. Выделяются и описываются примеры из англоязычных интерпретаций романа Л. Н. Толстого «Война и мир» согласно рассмотренным моделям.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, лексема, коллокация, контекст, дискурс, интерпретация.

Abstract: The main aim of the article is to investigate the aspect of the existing methods dealing with the analysis of metaphoric units in fiction. The author views five different models suggested by Russian and foreign linguists. Metaphoric units from English interpretations of «Anna Karenina» by Leo Tolstoy are plucked out and shed light on according to the models in question.

Key words: metaphor, metaphoric model, lexeme, collocation, context, discourse, interpretation.

В лингвистике существует множество подходов к вопросу интерпретации метафор в дискурсе. Разные исследователи находят разные

аспекты и основания для сопоставления метафорических единиц, с разных точек зрения дифференцируют их в художественном пространстве. В рамках данной статьи рассмотрим пять методик, посвященных изучению метафоры в художественном тексте.

Отправной точкой исследования в этом направлении в нашем видении станет теория М. Редди о «метафоре канала связи», постулаты которой впоследствии дали начало некоторым положениям теории метафорического моделирования Дж. Лакоффа и М. Джонсона [6]. Следствиями, вытекающими из метафоры канала связи, являются: 1) идеи (или значения) суть объекты; 2) языковые выражения суть вместилища; 3) коммуникация есть передача (отправление). Из первого положения этой метафоры — **ЗНАЧЕНИЯ СУТЬ ОБЪЕКТЫ** — вытекает, в частности, что значения существуют независимо от людей и контекстов употребления. Эти метафоры оказываются приемлемыми для многих речевых ситуаций, а именно для тех, в которых контекстуальные различия не играют никакой роли, и все участники речевого акта понимают фразы одинаково. Из второго компонента метафоры **КАНАЛА СВЯЗИ — ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ** — вытекает, что слова и фразы обладают значением сами по себе — вне зависимости от контекста или говорящего. Тем не менее, по мнению Эрла МакКормака не стоит пытаться понять метафору буквально, иначе она представляет собой противоречие [7]. В качестве примеров сравним два англоязычных перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Один предложен Ричардом Пивером и Лариссой Волохонски, второй – Луизой и Айлмером Мод. В переводе Р. Пивера емкость метафоры «возвышенность и поэзия» в отношении женщины не требует дополнительного контекста и создает образ божественного существа, порой недостижимого для героя романа: *Dolly, wait, darling. I saw Stiva when he was in love with you. I remember the time when he would come to me and weep, talking about you, and what loftiness and poetry you were for him, and I know that the longer he lived with you, the loftier you became for him. We used to laugh at him, because he added “Dolly is a remarkable woman” to every word. You are and always have been a divinity for him....* [18: 70]. Недвусмысленный образ героини создан посредством лексем «lofty» с основным значением «высокий», «divinity» – «божественность», «poetry» – «поэзия». При более подробном и внимательном рассмотрении указанных метафор находим лексико-семантические варианты «очень высокая конструкция» или «возвышенные цели и принципы, которыми можно восхищаться» у слова

«lofty»), значение «божество» лексемы «divinity» в литературном языке, в которых признаки «божественный» и «возвышенный» являются ключевыми. Тот же самый отрывок дан переводчиками Мод в следующей интерпретации: Dolly, wait a bit. I have seen Steve when he was in love with you. I remember his coming to me and weeping (what poetry and high ideals you were bound up with in his mind!), and I know that the longer he lived with you, the higher you rose in his esteem [17 : 69]. В данном переводе легко уловима идея метафоры «подняться в чьих-то глазах» (еще выше), которая может быть включена в любой другой контекст, требующий подчеркнуть важность человека и заслуженное уважение к его персоне.

Вторая методика, на которой мы остановимся, – теория метафорического моделирования, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, суть которой заключается в том, что метафорическая структура той или иной культуры тесно связана с ее фундаментальными культурными ценностями [6]. На основании данного утверждения учеными был предложен ряд аксиологических моделей пространственных метафор типа «верх – низ». Они выявили, что для западного общества (западноевропейского и североамериканского культурных ареалов) характерны следующие представления: «больше по количеству – лучше», «большее по размеру – лучше», «будущее будет лучше», «в будущем будет лучше», которые связаны с глубоко укоренившимися в культуре пространственными метафорами «больше – вверху», «хорошее – вверху», с которыми читатель встречается и в произведениях Л. Н. Толстого. Так, в процитированном ранее отрывке «the longer he lived with you, the loftier you became for him» выявлена аксиологическая модель «дальше – выше» или «дальше – лучше». Для иллюстрации модели «выше – лучше» рассмотрим другие отрывки из этих же интерпретаций. В переводе Р. Пивера использование пространственной метафоры «неземное существо», стоящее выше всего земного, по своему контекстуальному значению тесно связанное с недостижимостью героини, ее совершенством и искренностью натуры – ...but Levin was in love, and therefore it seemed to him that Kitty was so perfect in all respects, a being so far above everything earthly, while he was such a base earthly being, that it was even unthinkable for others or for Kitty herself to acknowledge him as worthy of her [18: 22] – дополнено «восхвалением ее до небес» в следующих отрывках: ... she at once began talking to him with a French excess of amiability, praising him for having such a wonderful daughter, and praising Kitty to the skies, calling her a treasure, a pearl and a ministering angel [18: 228]; ...and shared his conviction that

he was the happiest man in the world because his fiancée was the height of perfection [18: 407]. «Эффект пирамиды» создается автором поэтапно: «существо, находящееся выше земных людей» – «восхваление ее до небес» – «верхушка, пик совершенства». Частотность употребления лексем «high», «lofty», «height», «skies» определяет их значимость в рамках данного произведения. Переводчики Мод данный контекст аксиологической модели «выше – лучше» передают с помощью глагола «transcend» с основным лексико-семантическим вариантом «превышать» и с контекстуальным – «выходить за пределы земного»:...but Levin was in love, and therefore Kitty seemed to him so perfect in every respect, so transcending everything earthly, and he seemed to himself so very earthly and insignificant a creature, that the possibility of his being considered worthy of her by others or by herself was to him unimaginable [17: 21].

Данные подходы к изучению метафоры получили широкое распространение среди российских и зарубежных исследователей. Нередким является и тот факт, что исследования метафорических единиц в разных странах могут проходить изолированно, независимо друг от друга, результатом чего является появление разных точек зрения, в том числе, противоположных друг другу.

Отечественные ученые, такие, как Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова большую роль отводят дискурсивному подходу в изучении метафорического материала. Зачастую, чтобы понять глубинный смысл и идиосинкратический характер метафорической номинации, необходимо вникнуть в контекст того или иного отрывка. Речь здесь идет о герменевтической ситуации, «остановке-стоппере» в процессе понимания, которая может быть вызвана метафорой. Иными словами, использованные в тексте метафоры зачастую «поднимаются до символов» только благодаря объяснениям, приведенным в дискурсе [5]. Согласно дискурсивному подходу толкования метафор (по нашему мнению, имеющим много общего с герменевтическим), понимание – есть духовно-практическое усвоение информации (вживание в образ, истолкование текста и реконструкция смысла), поэтому понимание метафор в коммуникации происходит поэтапно. В этом плане анализ метафорических номинаций в пространстве дискурса напоминает о компонентном анализе значения слова. Подобно тому, как все значения слова состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения, также метафоры следует рассматривать в тесной

взаимосвязи с полотно́м дискурса [9; 13]. Таким образом, нам необходим указательный минимум для иллюстрирования специфики метафорической лексики и понимания того «мира метафоры, который еще никто не постиг сполна» [11].

Приведем примеры из тех же англоязычных интерпретаций романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Один из отрывков оригинального текста Л. Н. Толстого содержит метафоры «развинчиваться» в значении «вести себя не должным образом», «ломать копья за правду» – в значении «делать все возможное, чтобы правда восторжествовала», которые представлены разными англоязычными коллокациями в переводах Р. Пивера и Мод. Р. Пивер повествует: *I am beginning to weary of breaking lances for the truth in vain, and sometimes I go quite to pieces* [18: 108]. Вне данного контекста предложение «*I go quite to pieces*» способно вызвать «остановку-стоппер», т.к. его прямое значение – «разлетаться на куски» – в данном художественном тексте приобретает значение переносное, метафорическое «разволноваться, начать беспокоиться», т.е. вести себя таким образом, что человек утрачивает способность принимать благоразумные решения. Использование лексемы «*unstrung*», имеющей прямое значение «ослабить» (например, струны музыкального инструмента), в переводе Мод в значении «развинчиваться» в контексте «недостойного поведения» также может быть оценено неоднозначно вне дискурса: *I am getting tired of breaking lances uselessly in the cause of truth, and sometimes I feel quite unstrung* [17: 106]. Контекстуальное значение коллокации «*feel quite unstrung*» приобретает эмотивную окраску «чувствовать себя свободным», что может являться одной из главных характеристик любой метафорической единицы. Говоря словами Монтаны Кац, любой метафорический процесс (метафора, в частности) – графическое отражение эмоциональных, динамических, процессуальных и некоторых других компонентов пережитого опыта [15].

Следует также заметить, что в зависимости от авторской концепции при описании особенностей появления, функционирования концептуальной метафоры и метафорических моделей, их составляющих (фреймов, слотов, концептов), их конкретной языковой реализации могут применяться различные методики описания и классификации. Отмечается [3], что в основу концептуального анализа могут быть положены экспериментальное наблюдение, анализ лексикографического материала, метод интроспекции (самонаблюдения). Данные методики могут дополняться целым рядом иных структурных, интерпретационных и конструктивных методик, в частности

методами контрастивного, этимологического, компонентного анализа, синонимического перефразирования, статистического анализа [13].

Следующая методика описания метафорических номинаций связана с именем известного философа, историка и семиотика Умберто Эко, который в своей книге «Семиотика и философия языка» предложил семиотическую точку зрения на метафору [14]. Он отмечает некоторые правила, которые создают достаточно свободную интерпретацию метафор. В соответствии с его методикой следует выдержать пять шагов:

1) создать компонентную репрезентацию транспорта метафоры, фокусируя внимание на тех его компонентах (свойствах маркерного языка, слотах, атрибутах, предикатах и т.д.), которые важны в данном контексте.

2) найти концептуальные символы, которые обладают какими-либо совместными с транспортом метафоры качествами, выделенными на предыдущем этапе – при этом они должны обладать и своими специфическими качествами (по-видимому, эти отличающиеся качества и придают эмоциональную силу метафоре). Найденные таким путем семемы образуют множество возможных теноров метафоры.

3) связать противоположные качества (или значительно отличающиеся) тенора и транспорта через общее родовое понятие в иерархической таксономии понятий. Эта связь примиряет противоположности и узаконивает таким образом метафору, которая время от времени способна содержать в себе парадокс [2].

4) оценить качество интерпретации метафоры. Чем выше в таксономии понятий о мире произошло объединение противоположностей, тем интересней метафора. Вероятно, это может стать критерием оценки качества метафоры: например, чем неочевиднее противоположности, тем более свежей покажется метафора, особенно принимая во внимание тот факт, что «метафоры со временем стираются, тускнеют, утрачивают свою оригинальность» [1].

5) закрепить новые отношения внутри тенора, которые возникли благодаря метафоре, чтобы «исполнить когнитивную силу тропа». Проанализируем при помощи методики Умберто Эко метафору в нижеследующем отрывке двух различных переводов. В уста одного из главных героев Константина Левина Р. Пивер вкладывает такие слова: «Ah, even so», said Levin, «even so», with disgust reading over my life, I tremble and curse, and bitterly complain... «Yes» [18: 39], где предикативная метафора «read over one's life» имеет значение «пересматривать свою жизнь».

Необычно употребление глагола «read» в данном контексте. Прямое значение глагола «читать» – «понимать слова и буквы в книге, письме» – подразумевает написанный материал, поддающийся зрительному восприятию. Как следствие, «жизнь» предстает перед читателем чем-то осязаемым, фиксированным, со своим сложившимся сюжетом, героями, смыслами, событиями. Именно в этих признаках проявляется ее тесная связь с «книгой». Руководствуясь точкой зрения М. Ю. Михеева, нужно сказать, что при образовании метафоры на определяемое понятие «жизнь» переносится только некоторое количество признаков исходного понятия «книга» (фиксированная, обладающая сюжетом), а другие могут оставаться «за кадром» (написанная, кем-то созданная) [8; 4]. Таким образом, глагол «read» в метафоре «read over one's life» примиряет и узаконивает значительно отличающиеся качества понятий «жизнь» и «книга». В переводе Мод мы находим коллокацию «look back at one's life» в значении «оглянуться на свою жизнь» в отрывке: «Ah, but all the same», said Levin, «looking back at my life, I tremble and curse and bitterly regret...Yes» [17: 38]. Аналогично, «look back at one's life» не подразумевает «повернуть голову», а несет метафорическое значение «пересмотреть, вспомнить, оглянуться на прожитую жизнь». Следуя теории Умберто Эко, лингвисты и филологи способны оценить качество метафоры с точки зрения неожиданности и неочевидности исследуемых компонентов.

Пятой методикой исследования метафоры в рамках нашей статьи является методика описания метафорической модели, предложенная А. П. Чудиновым, в которой следует охарактеризовать:

1) исходную понятийную область (сферу-источник, сферу-донор, сигнификативную зону), т.е. понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

2) новую понятийную область (ментальную сферу-магнит, сферу-мишень, куда-сферу, денотативную зону), т.е. понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

3) относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита;

4) составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации;

5) компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц;

6) дискурсивную характеристику модели, т.е. типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели и т.д.

7) продуктивность модели, т.е. способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе [12].

С этой точки зрения остановимся на нескольких примерах. Р. Пивер пишет: *Anna said whatever came to her tongue, and was surprised, listening to herself, at her ability to lie. How simple, how natural her words were, and how it looked as if she simply wanted to sleep. She felt herself clothed in an impenetrable armour of lies* [18: 145]. Начнем с того, что слово «armour» многозначно и имеет следующие значения: 1) доспехи, т.е. воинское снаряжение или (перен.) тяжеловесное снаряжение (разг.шутл.); 2) панцирь животного; 3) броня. Лексема «impenetrable» с лексико-семантическими вариантами «непроницаемый», «непроходимый», «трудный для понимания» характерна для словосочетаний «impenetrable forest» («непроходимый лес»), «an impenetrable mystery» («непостижимая тьма»), «impenetrable darkness» («непроглядная тьма»), но в данном контексте приобретает метафорическое значение в словосочетании «непробиваемая броня лжи». В коллокации «an impenetrable armour of lies» выделим метафорическую модель ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ВОЙНА. Фрейм ЛОЖНОЕ РЕЧЕВОЕ СООБЩЕНИЕ – БРОНЯ приводит к пониманию того, что обман героини стал единственным способом защититься и укрыться от окружающего мира. Использование лексемы «clothed» («одетый») в предложении «she felt herself clothed in an impenetrable armour of lies» и метафорический инвертированный эпитет «armour of lies» («броня лжи») являются значимыми для слота ОБМАН – ОДЕЖДА.

Рассмотрим другие метафорические модели, например, ЛЮБОВЬ – БОЛЕЗНЬ или БУРНОЕ ПРОШЛОЕ – БОЛЕЗНЬ в текстах Р. Пивера и Мод. В переводе Р. Пивера: *But by arranged marriages we mean those in which both have already had their wild times. It is like scarlet fever, one has to go through it. Then we should find some artificial inoculation against love, as with smallpox* [18:

138]. Мод дают следующую характеристику: But by «marriages founded on reason», we mean marriages between those who have both passed through that madness. It is like scarlet fever: one has to get it over. Then someone should invent a way of inoculating love, like vaccination [17: 135]. Сфера-источник «болезнь» в данном случае представлена названиями болезней «скарлатина», «оспа», «сумасшествие» и медицинскими терминами «inoculate» – «прививать», «vaccination» – «вакцинация». Подобно тому, как термин «болезнь» подразумевает стадии «заражение» – «лечение» – «выздоровление», так и браки по расчету («arranged marriages», «marriages founded on reason»), заключенные после бурного прошлого супругов, имеют право на существование при условии «вакцинации от любви».

Подводя итог, надо сказать, что данное лингвистическое исследование не ограничивается указанными пятью методиками. Тем не менее, каждая конкретная метафорическая номинация может быть рассмотрена с точки зрения разных аспектов, с выделением слотов, фреймов, в контексте или вне его, что дает лингвистам, философам, логикам и исследователям из других сфер науки возможность понять предысторию образования метафорической единицы, ее смысл и глубинную суть.

Литература:

- 1) Авдеенко И. А. Символ и метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3. – С. 16–18.
- 2) Будаев Э. В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006.
- 3) Дзюба Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой: Дис. ...канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2001.
- 4) Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. - Харьков: Гуманитарный центр, 2014.
- 5) Лагута О Н. Метафорология: Теоретические аспекты. Часть 1. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003.
- 6) Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Прогресс, 1990.
- 7) МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
- 8) Михеев М. Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 47–70.
- 9) Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997.

- 10) Ожегов С. И. Словарь русского языка // Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988.
- 11) Уфимцев Р. Хвост ящерицы. Метафизика метафоры [Электронный ресурс] / Уфимцев Р. – Электрон. текстовые данные. – Калининград: [б.и.], 2010. – Режим доступа: <http://www.metaphor.ru/er/lizard/tail.xml>.
- 12) Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2005.
- 13) Шустрова Е. В. Афроамериканский английский: монография: в 2-х т. / Шустрова Е. В. – М.: Флинта, Наука, 2007, – 1 т.
- 14) Eco U. Semiotics and the Philosophy of language. – Bloomington: Indiana University Press, 1986.
- 15) Katz S. Montana. Unconscious Metaphoric Processes as a Basis for an Inclusive Model of Psychoanalytic Perspectives // Psychoanalytic Inquiry. – NY., 2011. – P. 134 – 146.
- 16) Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002.
- 17) Maude A., Maude L. Anna Karenina. – London: Wordsworth Classics, 1918.
- 18) Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. – London: Penguin Classics, 2000.

УДК 81-114+81.23

ББК 81.411.2-003+81.431.1-003

РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

THE ROLE OF VOCABULARY IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Н.С. Савцова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Аннотация: Язык и культура определяют образ мышления своего носителя и развивают его характер. Лексический состав играет основную роль в реализации функции языка, как части культуры и средства формирования личности. В воспитании личности задействованы все языковые ресурсы, которые человек, как правило, даже не осознает. В данной статье рассматривается то, каким образом лексический уровень языка отражает и выявляет основные черты национального менталитета, на примере русского и английского языков.